

Те единственные, что могли уйти от цивилизации, были теми, чья особая роль и заключалась в уходе от нее: ученый имел право уйти на время, священник — навсегда. Но только не женщина, которой даже не гарантируется право собственности. И я бежала, с трудом, но бежала.

*Кларисе Лиспектор,
«Страсть в изложении Г.Х.»¹*

¹ Кларисе Лиспектор (1920–1977) — одна из крупнейших бразильских писательниц. Лауреат многочисленных литературных премий. (Здесь и далее — *примеч. перев.*)

Найдя свое место, ты бросаешь взгляд на бизнесмена в соседнем кресле и приходишь к выводу, что он почти хорош собой. Это твой второй перелет на пути из Майами в Касабланку, и проделанное расстояние успело пригнать ужас последних двух месяцев. Что тебе мешает поболтать с этим мужчиной и, может быть, даже заказать пару водок с тоником и маленькими лимонными дольками, которые бортпроводница положит вам серебряными щипчиками в пластиковые стаканчики? На вид ему столько же лет, сколько тебе — тридцать три, и так же, как ты, он путешествует в одиночку. На коленях у него лежат две газеты, одна — на арабском, вторая — на английском. Если вы найдете общий язык, то, добравшись до Касабланки, сможете насладиться совместной трапезой. Вы отправитесь поужинать и будете сидеть на мягких вышитых подушках и есть кускус руками. А потом пройдете мимо странных геометрических контуров на фоне незнакомого горизонта по пути в твой или его отель.

Разве не так поступают люди, оказавшись за границей в одиночку?

Но стоит тебе устроиться в кресле рядом с бизнесменом, как он сообщает, что собирается спать весь полет до Касабланки. Потом, прилагая значительные усилия, вызывающие чувство неловкости, он тонкими губами надувает шейную подушку, кладет на высунутый язык маленькую таблетку и отворачивается к овалному иллюминатору, уже закрытому шторкой.

Взлет сопровождается неизбежным младенческим ревом, и ты рассеянно листаешь путеводитель по Марокко. Ты читаешь: «Первое, что нужно сделать, приехав в Касабланку, это уехать из Касабланки». Черт. Ты уже забронировала там отель на три ночи. Тебе следует досадовать на себя за то, что ты не позаботилась открыть путеводитель прежде, чем забронировать и оплатить номер, но вместо этого ты досадуешь на сам путеводитель за сообщение о том, что твои первые три дня в Марокко будут потрачены впустую. Ты запикиваешь книгу поглубже в рюкзак и достаешь фотоаппарат. Он куплен несколько месяцев назад и, хотя ты им и пользовалась, все это время хранился в коробке с инструкцией, которую до сих пор не прочитала. Ты решаешь, что сейчас — удобное время ее прочитать и выяснить, как сохранить на ноутбуке фотографии своей новорожденной племянницы. Ты включаешь фотоаппарат —

это профессиональный «Пентакс», что для тебя излишняя роскошь, — и изучаешь снимок племянницы, сделанный в день ее рождения. Ты чувствуешь, как на глаза набегают слезы, и выключаешь фотоаппарат.

Самолет еще не набрал комфортную крейсерскую высоту, и сигнал «пристегните ремни» еще не погас, но это не мешает даме западной наружности, сидящей по другую сторону прохода и на два ряда впереди, встать. В платье с рисунком из осенних листьев, хотя сейчас весна, она снимает с багажной полки чемодан для ручной клади. Потом садится, кладет его себе на колени, открывает, перекладывает несколько тщательно упакованных предметов одежды в другом порядке, закрывает чемодан и поднимает его обратно на багажную полку. Поспешно подошедшая бортпроводница напоминает ей о сигнале «пристегните ремни». Дама в осеннем платье сидит пять минут, а потом теряет самообладание и снова встает, чтобы достать чемодан, поставить себе на колени, открыть, еще раз переложить одежду и вернуть его на полку над креслом.

Твои попутчики — половина из которых похожа на туристов, а половина — на летящих домой марокканцев, — переглядываются с тобой и друг с другом и делают большие глаза. По единому мнению, эта дама страдает обсессивно-компульсивным расстройством. Когда

дама в осеннем платье встает в третий раз, пассажирка, сидящая в кресле перед ней с книгой в руках и очками на носу, резко оборачивается и смотрит на нее в упор. Это одна из группы женщин, которая путешествует с тобой с самого Майами. Судя по их толстовкам с эмблемой университета штата Флорида и приблизительному возрасту, ты делаешь вывод, что около сорока лет назад они вместе учились в университете, а теперь отправились в путешествие по случаю встречи выпускников.

В этой очкастой женщине, которая сейчас обернулась, чтобы посмотреть себе за спину, есть что-то знакомое, и, когда вы на секунду встречаетесь взглядами, ты чувствуешь, что ей, возможно, тоже любопытно, где она тебя видела. Ты замечаешь одну из ее кроссовок, выставленную в проход, — чистую, белую «Рибок» на массивной подошве — и тут же понимаешь, где ее видела. Сердце у тебя стучит, словно ты перебрала с кофеином. Ты отводишь глаза и концентрируешь взгляд на спинке впереди стоящего кресла. Опускаешь откидной столик и кладешь на него голову. Тебе не хочется, чтобы эта женщина тебя узнала и стала задавать вопросы.

Из осторожности ты больше не выглядываешь в проход, сколько бы раз женщина в осеннем платье ни вставала и ни садилась, и не важно, сколько раз бортпроводники подходят к ней и возмущенно напоминают, что ей нельзя вста-

вать с кресла. У одного из этих проводников ты заказываешь бокал вина и запиваешь им таблетку юнисома¹. Ты в курсе, что эту таблетку не следует мешать с алкоголем, но тебе вдруг стало страшно от того, что придется провести весь полет в бессоннице и тревоге и прибыть в Касабланку физически и морально измотанной. Ты закрываешь глаза и думаешь о сексе — ты всегда о нем думаешь, когда не можешь уснуть. Перед тобой всплывают части тел и сценарии — какие-то из них ты видела в кино, а кое-какие пережила сама. Ты думаешь о парне, пахнущем кремом от загара, с которым ты целовалась в гамаке на пляже, когда тебе было восемнадцать, о мужчине из Дубровника, с которым ходила в ирландский паб, когда тебе было двадцать пять, сцену из итальянского фильма с Джеком Николсоном и иностранной актрисой, чье имя ты позабыла. Ты думаешь о девушке с зелеными глазами на частной вечеринке, чья рука скользнула по твоей груди. Она оглянулась, но ты за ней не пошла.

Ничто не помогает, тебе не спится. Визжат дети, особенно маленькая девочка по другую сторону от прохода, сидящая на коленях у матери. Ее волосы заплетены в бесчисленные косички, перевязанные бантиками. Обычно де-

¹ Юнисом — одно из торговых названий доксиламина, снотворное.

вочки с косичками вызывают у тебя теплые чувства, — они напоминают тебе о твоём собственном детстве, о том, как твоя мать каждое утро в шесть часов заходила к тебе в комнату и заплетала твои волосы в две тугие косы. Концы она завязывала бантиками из обрезков толстой рыхлой пряжи, обычно красной или желтой, под цвет твоей школьной формы. Она делала это, пока ты спала, потому что к семи утра ей нужно было быть на работе. Даже если взмахи щетки или быстрые движения пальцев будили тебя, ты сдерживалась, чтобы не показать, что проснулась. Ты знала, что мать расстроится, что так рано тебя подняла, поэтому не открывала глаз и продолжала дышать медленно, словно глубоко спишь.

Ты училась на стипендию в дорогой женской школе, и матери других учениц в основном не работали, поэтому твоей матери хотелось сказать любой из тех матерей, кому вздумалось бы на вас глазеть (а они всегда глазели): «Да, мы из среднего класса, да, я работаю, но моя дочь ничуть от этого не страдает — посмотрите, какие у нее аккуратные, тугие косы». По причинам, которых ты тогда не понимала, твоей сестре-двойняшке стипендию в ту школу не дали, и она ходила в обычную, рядом с домом. Но тебе никогда не было ее жаль: она всегда была красивее (вы – разнояйцовые близнецы, не на одно лицо) и общительнее. В результате

этого сочетания она чаще попадала в переделки. Она носила короткую стрижку, даже когда стрижки были не в моде, но мода на стрижки всегда возвращалась. Ты же, напротив, до седьмого класса ходила с косичками.

Девочка с косичками по другую сторону от прохода, сидящая на коленях у матери, раз за разом вырывает тебя из пучины сна визгами, за каждым из которых следует материнская попытка ее успокоить. Эти материнские усилия оказываются чуть ли не громче криков самой девочки, словно ее мать пытается убедить всех вокруг: «Видите, я стараюсь изо всех сил». Ты бросаешь на нее осуждающий взгляд, при этом понимая, что, если у тебя когда-нибудь будут собственные дети, ты будешь делать то же самое — успокаивать слишком громко. В женской школе ты сделала одно наблюдение: половина родительских усилий — это игра на публику.

Когда самолет начинает снижаться над Касабланкой, ты сортируешь вещи в рюкзаке. Тебе нужно будет сойти с самолета, не заговорив с женщиной в белых массивных рибоках из университета Флориды. Бизнесмен в соседнем кресле просыпается, пять раз быстро моргнув. Он одаривает тебя улыбкой, и ты вяло улыбаешься в ответ, потому что тебе завидно тому, что он выспался. Приземляясь, самолет чуть забирает влево, потом вправо, а потом выравнивается. Твои попутчики раздражаются апло-

дисментами. Дверь кабины экипажа закрыта, значит, они аплодируют не пилотам. Они аплодируют, потому что их существование не прервалось, потому что они не лежат, объятые пламенем, на взлетной полосе, потому что они не распались на куски над Атлантикой. Для праздника жизни разрозненные аплодисменты кажутся слишком вялыми, поэтому ты предпочитаешь от них воздержаться.

Теперь, когда все встали в ожидании команды на выход, детские крики становятся еще громче, и родители уже не пытаются их успокаивать. Когда бортовой люк открывается, пассажиры единым осязаемым усилием бросаются к выходу. Все, кто еще не встал, встают. Пока ты берешь свои вещи — синий чемодан и безликий черный рюкзак, не привлекающий к себе внимания, которые ты купила вчера специально для этой поездки, — кто-то из заднего ряда пытается тебя подрезать. В путешествиях по воздуху так всегда: попутчики дружно аплодируют, потому что остались в живых, а потом подрезают тебя, чтобы выйти на четыре секунды раньше.

В отличие от женщин со встречи выпускников, тебе не нужно ждать получения багажа, поэтому ты проходишь мимо них, напрямик к паспортному контролю. Ты заказала трансфер, и тебе сообщили, что у водителя будет табличка. Ты видишь его сразу же: худого парня в черных джинсах с листком желтоватой бумаги, на

котором накорябано твое имя. Он написал твое имя на французский манер, что неудивительно. В своей женской школе ты учила французский, потому что школу основала богатая наследница из Парижа, и французский был обязательным для всех учениц. Теперь, говоря на этом языке своей юности, ты замечаешь, что вспоминаешь слова, которые даже думала, что знаешь, и делаешь ошибки, которые тут же осознаешь. Ты спрашиваешь водителя, сколько ехать до отеля (тридцать минут), какая стоит погода (дожди), и говорить больше и не о чем. Он спрашивает, откуда ты, и ты отвечаешь, что из Флориды, и он говорит, что бывал в Айдахо, чтобы навестить родственников. Ты улыбаешься и говоришь, что там красиво. «C'est beau là»¹. Он соглашается. Ты никогда не бывала в Айдахо.

Небо за окном микроавтобуса белое, а трава — зеленая. Вы едете мимо пустых парковок, щитов с рекламой сотовой связи и автомобилей, и вдруг впереди вырастают кремовые дома Касабланки. Ты видишь, как молодые парни голосят на дороге, и водитель говорит, что они пытаются добраться до школы, колледжа. Ты спрашиваешь, ходят ли здесь автобусы. Он отвечает, что да, ходят, но они не хотят ждать автобуса.

Количество машин на дорогах Касабланки ужасает, и водитель говорит, что их всегда

¹ Там красиво (*фр.*).